

A misty winter landscape featuring a dense forest of evergreen trees covered in snow. In the foreground, a frozen lake or river is visible, with a large snowdrift on the right side. The overall atmosphere is soft and hazy.

Владислав
Март

Снег

18+

Владислав Март Снег

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69272080

SelfPub; 2023

Аннотация

Снег, что внутри и вокруг нас. Нет ничего, кроме снега. Нельзя не говорить про снег. Он дал тебе жизнь и укроет тебя однажды.

Владислав Март

Снег

Эпиграф.

Не читай. Возьми другую книгу. В этой холодный человек пишет про снег и не более того.

Январский. Снег сухой. Абсолютно не мокнет на пальцах, на ладони, в зажатом кулаке. Рука остаётся сухой. Снег даже и не снег, а сахарный песок, который остаётся в бумажных сигарообразных пакетиках на высокой стойке «Пончиков Блинчиков». Каждый раз получая там заказ, а это всегда особенное дело, запоминающееся в деталях, на порцию кофе кассирша кладёт три сахарные дозы. Когда едет по Минской трассе из Мордора в край кладбищ и брошенных в полях бетонных фундаментов ферм, туда, где садится солнце, приятно останавливается в «Пончиках Блинчиках». Завтрак начинается с выбора блинов: с бужениной, красной рыбой, картофелем, сыром, вареньем... Что бы ни взялось, кофе в дорогу причитается. А к нему, исходя из каких-то корпоративных расчётов, тетя-кассир выкладывает сахар. Однажды я всё-таки раскрыл запечатанную с обеих концов сигару сахара и знаю какой он там, внутри довеска, что я не забираю, оставляя на выдаче у подносов. Сахар совершенно бе-

лый и сухой. Скрипящий и не мокнувший от прикосновения влажной руки. Минерал. Микрокубический кристалл без запаха. Такой в январе и снег. Холода стоят сказочные. Минус двадцать и более этого. Снег превращается в сахар. Несжигаемый, нетающий, безснежинковый, белый как неизвестный знатокам самоцвет. Снег не лепится в снежок, не тает на усах, не блестит на солнце. От холода превратившись в бетонную отмостку мира, он просто покрывает землю сахаром мороза. Сухой. Кажется, что это не он, а ветер обжигает руку после снятия перчатки. Снег ни при чём, он хороший. Это движение воздуха отмораживает лицо и кисть. Снег он белый бесполезный сахар. Хрустит под ногами и рассыпается в воздухе стоит только перевернуть ладонь. Чисто песок на далёком пляже. На том, что никогда уже не схватит меня за пятку крабьей норой. Падая на бесконечность соляного поля снег не издаёт звука, его как будто совершенно нет. Отсутствует звук тех знаменитых хрустов-переломов хребтов снежинок, о которых писали классики. Писали в далёкие периоды, когда была ещё смена сезонов. Помните, зимы-зимы ждала природа, снег выпал только в январе... Теперь не бывает бесснежных лет. Снег. Нет звука, запаха, нет влаги, нет жжения. Мороз убил снежинки и даже не дал нам узоров на стёклах пластиковых домов. Мну-мну в ладони в последней попытке скомкать пельмень-антистресс одной рукой. Получается всё то же – песок сахара толстой струйкой утекает вниз через съезжившиеся похудевшие пальцы на

криоветру. Мёрзнут странные места тела, не те, что ранее. Немеет от мороза наружная сторона голеней и задняя сторона предплечий. Не пальцы или кончик носа, которые легко подозревать в нарушении кровообращения. Отчего стало так? Атеросклероз поднялся на сегмент выше? Это в меня забрался снег или вышла из меня тёплая кровь? Мёрзнут места, где есть мышцы, где артериолы много лет прогоняли яркую жижу. Атрофируются сгибатели-перегибатели? Аномальные ощущения под стать снегоде. Спасибо морозу за отсутствие карманных собак на пути, за недостачу курильщиков и пользователей долголетия у подъезда, за тишину без криков мамаш с балконов и без чад-вандалов, кому адресован крик в коробочку двора. Мороз не любит чужих детей. Но, мороз, ты задаёшь вопросы новые. Отчего мёрзнет то, что не холодело никогда? Может быть просто, обычно всё в ответе. Не встречал я такой мороз так долго на ветру, первый это мой опыт. Крепчает мороз, как крепчает реальность. Стоять на сахаре соли снега и упираться в поток движения воздуха. Серединка моя держит напор, свитер, куртка и прочие ассистенты со мной, а вот ручкам-ножкам недостаёт ядерного тепла центра тушки. Январский напоминает мне о соде. Той самой Соде, бумажном кирпиче, что каждая хозяйка покупает лишь единожды в жизни. Чтобы потратить второй кирпич нужна вторая жизнь. По количеству раскупленной соды можно предсказать численность женского населения района. Она, сода, такая же бессмысленно и бездель-

но белая как окоченевший морозный снег. Содовая. Может с неба идёт сода? Говорят, её дают в тюрьме вместо сахара. Всё одно – белый порошок. Содовая жизнь. Содовая, теперь для меня это и название погоды. У природы нет плохой содовой. У природы есть люди, которые не знают, чего хотят, сыпящие сверху снег или недовольные этим фактом нижние люди. Бывает снег круглый. Из него делают круглое – снежки, снежных баб, крепости в основе которых скатанные овалы. А сейчас снег квадратный. Его ни скатать, ни скомкать не получается. Абсолютный сухой ноль. Его нужно резать на кирпичи и строить иглу, мостить дорожки, огораживать хоккейную площадку. Время квадратного снега пришло. Январский снежный майнкрафт. Тетрис без опции исчезновения законченных рядов. Вместо пропавшего нападавшего, происходит спрессовывание. Плотность того, что упало январём превышает плотность асфальта и бетона. Январский тяжелее и разрушит все дороги и все тротуары под ним. Обеднённый уран в сердцевине каждого квадратного куска снега. Редко на снегу видны артефакты, что снег не пускает в себя, не впитывает или выталкивает. Вещи эти недостаточно теплые чтобы растопить соду снега. Либо морозный просто игнорирует попытки вещицы. Артефакты в основном новогоднего смысла. Пузатые и немного деформированные от попадания в потолок пробковые затычки игристого. Капли крови, мелкие и какие-то недостаточно кумачовые, скорее цвета витаминов группы Бэ, разлитой из ампулы, цвета «Мильгаммы», осад-

ка борща, мазок-отпечаток граната, а не артериальная кровь. Мороз так силён, что изменяет красный цвет. А может мои глаза? Ещё куда же без множества денег. Купюры покрывают приподъездные пространства, ту зону куда пьяным ещё можно выбежать без пуховика. Денежки размером не более спичечного коробка, иностранные, игрушечные. Теперь их кладут в хлопушки вместо конфетти. Деньгам самое место снаружи. На ветер. В этом году деньги стали маленькими и игрушечными. Они не чувствуются в кармане, они не решают проблем. Пых! На ветер всё. Пых! Артефакты всю каменные какахи кардиганов и грифонов. Вынесенные на руках и поставленные на абсолютный ноль планеты, собаки гадят, не сходя с тропы. Их пирамидки отходов остаются до 6 мая, когда приличные города начинают убирать от мусора перед великим праздником прошлого. Какахи не пахнут, они железобетонные и скорее порвут сапог при соприкосновении, чем отдадут молекулу в нос чтобы ощутить запах. Такой мороз. Январский падающая с козырька от ветра прожигает в какахах отморожение. В маленьких созданиях мало фекалий. Всё будет замечено и расплавлено отрицательным автотеном минусового костра снега. Но до той поры, не стоит наступать на фигурки в коричневом. Порезать подошву, это к покупке новой обуви. А деньги – не снег. Не лежат месяцами. Деньги – крохотный слой тепла в ладонях на дне каньонов линий жизни, что уносит любым дуновением. Пых! Как крепко не сжимай, куда-то да просочатся. И всё же каж-

дый раз перешагивая через мелкое трясущееся нечто я не могу поверить, что грифоном назвали такое что-то о четырёх подпорках. Для меня грифоны – это всё ещё молчаливые красавцы строго держащие фонари над парочками, переходящими Банковский мост, дарящие надежду на богатство в жизни и романтику прямо сейчас. И они не какают в канал Грибоедова, терпят под жёлтым светом шаров над их головами. Ветер, драконом свистящий в невидимую щель на балконе что-то пронёс мимо окна. Надеюсь, что это пианино соседки или её отрубленные предварительно замороженные через форточку руки. Чтобы кровотечение было меньше. Не пачкать же белое ради такого, и моё окно. Но я не успел увидеть, что пронеслось, фантазирую. Наверное, это пронесло кусок сомнений, какую-нибудь фарлушку. Поле зрения сократилось, всё как в тоннеле. Монитор и кружка. Боковое зрение не успевает за реальностью. Однако скорость проноса чего-то за стеклом напомнила о массовом сдувании коллег из офиса. Турция, Грузия, Аргентина, Беларусь, Казахстан и Таиланд стали богачи в эти дни. Массово прощальные письма приходят на почту. Пишут мужчины от 30 до 50, возраста брони. Бронемужчины. Пишут женщины молодых возрастов, им-то чего бежать из прибитой скрепами к черепахе? Доходит не сразу. Они же тоже чьи-то жёны, матери, сёстры, они как декабрические женщины следуют за своими игрек-людьми. Эмиграция каждые сто лет. Двадцатые декабристов, двадцатые белых, двадцатые иноагентов. Январисты

и их жёны-январистки. Так флэт уайт скоро некому станет в Москве покупать. Так скоро некому станет читать мои рабочие мейлы. Я не могу покинуть заснеженную по самым разным причинам. Недостаточно боюсь, имею ипотеки, ничего не умею делать, что прокормит меня в далёких бесснежных краях, ко мне ещё не стучались, мне нужно менять паспорт, люблю зиму et cetera. Опять же этот снег. Поуехавшие окажутся самыми умными из нас или самыми глупыми паникёрами? Время покажет. На часах январь. В такое снежное время у нас ничего быстро не делается. Снег покрывает и казённые головы. Сковывает и чернила принимающие решения. Бояться надо весны, когда струи обострений понесут судорожные желания человек на других человек, а с них на третьих, пока не смоют нужных и подвернувшихся в щель водостока. Смывает живых и мёртвых. Ведь даже покойники каждую весну плавают в растопленном снегу на своих деревянных кораблях под землей. Затем садятся к лету на мель и ждут дрейфа льда следующего января. Но весна не придёт. Это отжившая сказка. Бояться нечего. Покойники останутся на местах. Зима, это прекрасное время начать записывать невмещающееся в голову на чистый лист. Лист, который так похож на снег за окном. Зима это всё, что есть. И вот, шрифт с засечками ползёт слева направо и замерзая на мгновение, мигает вертикальной палкой курсора. И подобно какахам на снегу, умирающим окуркам, чьего тепла не хватает чтобы врыться в январский, подобно варежкам, ждущим зубов со-

бак, эта ползучая гусеница нарушает белизну листа. Вот твоя какаха занимает уже полстраницы, а в конце неё швырнутая варезка абзаца с шуткой завершает главу. И как никто больше не оденет потерянную отморозенную варезку на незнавшую ручного труда московскую ладонь, так и этот испачканный строками текст никто не будет читать, поскольку в голове весьма ограничено место для ненужных впечатлений. Голова забита снегом.

Февральский. Поверх спрессованного давлением самого снега, давлением времени, вдохами людей и светом бессмертных диодных фонарей, поверх вольфрама января лёгкий прозрачный снег нового месяца. Настолько лёгкий, что дунув на него через закрытое окно семнадцатого этажа, видно, как он разлетается одуванчиковыми парашютами вниз у подъезда. Это как присыпать сахарной пудрой позавчерашний хворост из «Помпончика», как укрыть пледом скелет динозавра. Чихни, и турбулентность твоего чиха разделит время и пространство, разметав сегодняшнюю пудру, отделив прошлое черствочество от настоящего ангельского нежка. В феврале дворники работают не тракторами и бульдозерами, а мётлами. Им бы кто дал совет смести пришельца теми ветряками, которыми дуют на листву в парках осенью в заморском кино. Всё равно лежат без дел. Импортные снегосдуватели. Этими бесполезными пылесосами-наоборот, что гоняют кленовый макияж по траве не уступаю-

щей вечнозелеными свойствами танкам в Кубинском музее. Прочитал в кубинском. Нет никакой Кубы. Она за снежной стеной. Есть только танки в Кубинке. Танки белого цвета чтобы убивать незаметно из-за сугроба. Февральский снег аккуратно ложится на бетон январского, стараясь делать это по возможности деликатно, ночью, не на глазах у вмёрзших бутылок «Ной». Весной именно этот, февральский, мог бы дать ручьи и дорогу кораблику из платёжки за квартиру, лужам и старту валяния собак в грязи. Если, разумеется, наступит она. Может у собак наступит. Ибо представить, что покоящийся теперь под нежностью пуха мраморный январь, что он даст ручьи, поистине невероятно. Полсантиметра, ещё полсантиметра, вот уже устаёт щётка для чистки шкод. Снег валит, кроя заново проходимость двора и белым, простым белым рисуя зиму. Лютость температуры оказывает милость, градус уходит. Ветра играют с одуванчиковым снегом, заигрываются, но не бравируют ураганностью. Просто ветер. Не более движения воздуха с места на места с ускорением в узких местах улиц. Всё по физике, никакой январской мистики. Снег новый ничего не весит и не лепится в шары для кидания именно по этой причине. Невозможно много надо брать его в ладони и нелимитно долго стучать ими и прессовать порошок. Усталость наступает раньше продукции первого снежшара. В Москве в такие дни появляются продавцы снежков. Расстилают газеты на Тверском бульваре и реализуют мечту ребёнка по сто рублей за экземпляр. Больше

умельцы от бизнеса получают за фото с ассортиментом снежков, за интервью блогерам и за продажу сопутствующего мороженого. Ещё одна городская легенда об изобилии столицы и причудах горожан. Продам снежки, розница. Так и хочется записать в актив биографии такую покупку. «Жил счастливо в столице, по феврялям приобретал снежки у знакомого барыги». Но меня сдерживает нутро пособничать хитрости. Сверхлетучий и мягкий снег не дал бы продавцам снежков-шаров, они обманывают. Не обошлось тут без химии или добавления воды, или припасённого с декабря на холодном балконе нормального снежинкового варианта снега. Тот ломаясь как кости, сцепляясь во влажных вегетодистонических ладонях, мог дать идеальный шар. Вывихнутые конечности снежинок прекрасно сцепляются в шар в декабре. Хранить их несложно, проще снежоката на балконе, а навар в феврале если и не покроет абонемент на тепло, то хотя бы прославит в интернете. Прекрасное свойство февральского снега ещё и в том, что он фактурно реализует следы. Первым активным утренним ходакам, выгульщикам собак, мне, видны замечательно ранние отпечатки зайцев, птиц и наркоманов, возвращающихся из леса с найденными закладками. Стройка микрорайона спугнула всех животных, бобров, лисицу, зайцев и им не остаться, не остаётся ничего кроме, как стать жителями нашего крайнего к лесу квартала, поделить помойки с воронами и урны с дворниками. Следов животных-животных всё меньше, но они доступны для анализа именно как отпе-

чатки на февральском. Животные-наркоманы пока не заметили новой стройки и продолжают ходить напрямик, оставляя самые неровные цепочки, с самыми потрескавшимися отпечатками самых незимних кроссовок. Снег фиксирует только первого проходца, второй уже разматывает поднятым ветром пушок или втаптывает своими отпечатками информацию в нечитаемый вид. Как наркоманы различают свой белый порошок от снега? А может они и колят себе снег? Кроме всего прочего, февральский своей обновлённой нежностью напоминает о новом годе. Начинается второй год дегуманизации. Эта тема и есть то, что слушает снег на наших прогулках в лесу. Примыкающая к кварталу древнесоветская деревня, населённая по случаю близости к метро и домам-музеев писателей исключительно внуками большевиков, направляет ко мне на дискуссию послов. Наши собаки переплетают следы, наши разговоры ищут общее в представлении о мире. Вот человек, бывающий гостем в снеговизоре пересказывает новости, вот патриот с ВНЖ Италии укрепляет веру в прошлое, вот другие осторожно, а местами назидательно ведут разведку со мной. И все мы топчем снег. Отчего-то все эти знатоки снежной жизни продолжают жить на своих дачах и совсем не торопятся отряхнуть февральский со своих сапог о лёд Днепра. Хотя мне рекомендуют. Четыре разрушенных вышки, стоящие на прямой в центре лесного массива ежедневно попадают на пути. Это своего рода темараздел. Правнуки Молотова свернули к своим пролетарским шале, им нуж-

но пополнить запасы аргументов для следующей прогулки. Мы закончили на версиях чей флаг следующий над Дворцом съездов, на что заменят кремлёвские звёзды. Я стою на том, что мир мой мал, в нём только семья и пять неродственных ближайших людей, что определяют кто я такой. Я измеряю мир по изменениям в той группе и нам, мне в этой кружке не видно чей Крым, мне видно лишь сколько времени у меня на чтение книг и насколько подорожал пармезан. А звёзды уже заменили. На гигантские снежины. Просто об этом пока не видят, не показывают, не через серое небо. Четыре вышки отмечают мою дорогу к дому. Четыре вышки хочется трактовать как призраки зоны, во всех смыслах этого слова. Бетонные столбы поддерживающие следующий ряд тёсаных стволов, выше – перекрестье брёвен и новый этаж стволов. Конструкция там, где не полностью разрушена достигает почти верхушек деревьев. Сейчас в лысом феврале отчётливо видно, что деревья всё же перегнали человеческие конструкции, пирамиды столбов и брёвен. Четыре стоят на прямой с равными промежутками, что я всегда забываю измерить. И хочется уже продолжить фантазию о бывшем здесь метролаге или МГУлаге, РУДНлаге, о чём намекают ржавые проволоки и колючка, но над псом и мной пролетает самолёт. Можно вытянуть руку и сделать селфи будто держишь летуна за живот. Пёс садится и провожает взглядом летящий автобус людей. Самолёт пролетел точно над линией башен. Это какие-то древние навигационные строения. До глонассов, до

разборки импортных лайнеров на запчасти, до всего этого авиатуризма, башни указывали на Внуково, помогали посадке. Недалеко от них удивительная для леса бетонная дорога, что ещё более отсылает к Стругацким. По ней, не утонувшей в снегу января, а лишь приукрашенной теперь плесенью невесомого февральского, мы с псом выбираемся к людям. Я бы не выбирался, но среди их окурков и патриотизма стоит моя квартира. А там кофе и вид с высокого окна на седой двор. Февральский аккуратен и не засыпал кормушки, только сделал шапочки-навершия, только скрыл налузганное элегантно боа. Вот я уже внутри и не мы не бесимся с жиром, с теплом и культурной дистанции, мы с собакой скромно смотрим в окно на снег, что только три минуты лифта назад гладили утюгами ног. Уют. Сказка уюта, как сказка про тёплую зимусну или зимесну, не помню, как детская сюсюкалка, что после зимы наступит тепло. После зимы, знает каждый взрослый, наступит рай, а никакая ни зимсна.

Мартовский. Ледяной дождь придумали москвичи. Не было этого ледяного дождя в моём провинциальном детстве, юности, в моих зимах. Был либо лёд-гололёд, либо дождь. Где-то между появлением сапанового способа свалить в Питер и медведевской оттепелью москвичи выдумали новое погодное явление. Природа пошла им навстречу, мысли материализовались и у зимы в городе появилась новая черта – ледяной дождь. Он приходит всегда незаметно, среди ночи или

под утро, так что с рассветом видны финальные результаты. Блестящий тротуар по которому весьма опасно двигаться и переносить стеклянное из «К и Б», скованные плёнкой льда двери и стекла машин, застывшие в исходном положении, и недвижимые более створки балконов, и прозрачные платья сугробов, по которым стекает на дорожки не впитываясь моча корги (модель без хвоста). Мартовский играет с агрегатными состояниями воды и дарит слоёный пирог из неудач и сюрпризов. А в России, как общеизвестно, сюрприз – это негативная дефиниция. Утро начинается с прогулочного собачьего скольжения, перетекает в работу ледорубо м-освободителем шкод, движется к маневрированию между ДТП на Киевском и ДТП на Ленинском, и переходит в день полный синяков на бедрах и коленках. Ах, где ты декабрьский снег, с шестиугольными конфетти, с узорами и пустыми мешками для подарков? Где та некрасовская зима, требующая дров и святок, а не это всё. Мартовский прячется за коркой льда. Мартовский как бы велит ценить снег, потому что когда не снег – тогда ад льда. Радуются лишь шипованная резина, которая в Москве с её чищенными улицами не имеет смысла всю зиму. Вжжжыг! По сугробам всё равно в чём стоять. Но вот после ледяного дождя, всё-таки, немного чувствуешь помощь колёс, то необходимое сцепление с жизнью, которое позволяет не выкатываться из-под одеяла сразу к клавиатуре, а промежуточно газовать, вертеть оси, чувствовать мнимое руководство рулём всего механизма. Реально видеть, как

шипика царапают новый прозрачный ламинат двора, подталкивая тебя сантиметр за сантиметром к столу, где реализуешь нечто, за что тебе платят зарплату. Хотя разве бывает нешипованая резина? Зачем такая нужна. Я задумался. Для тюбинга, очевидно. Мартовский наносит глазурь на биге февральского поверх коржа январского. Мартовский показывает – всё, вы видели теперь всё. Успокойтесь, остались свечи, огонь, ветер и разрушение торта зимы. Вот-вот всё полетит в урну, появится разлюбимая плесень и горячая вода потечёт по тарелкам, и вы начнёте страдать от того, что струя кондиционера несильна, нехолодная и дует не на вас. И эта сказка неплохо заходит, когда видишь мартовский снег с его ледяным дождём в первый раз. Но встречая его ежесредово и ежепятнично понимаешь, что твой бесплатный корпоративный психолог – дерьмо, а антидепрессантный эффект алкоголя скороуходящ. Ещё одно утро невозможности открыть двери подъезда и машины, ещё одна тонна песка на расстеленных по тротуару тёплых джинсах, новый синяк на локте и сновасломанная чистилка-ковырялка автостекла и всё. Никакой блеск наста и никакая мягкость снега под коркой не компенсируют отчаяние в эти всё ещё короткие тёмные дни. Уходи мартовский снег и забирай своего дружка ледяного душа. Давай уже дальше, давай следующий месяц зимы.

Апрельский. Дорога, уходящая в гору, вверх, в сторону плотной шапки облаков над нашим миром, всё стелется, се-

реется и дружится с рыжими пятнами раздавленных грузовиками кирпичей. В апреле я мчу по трассе, достаточно прямой и пустой чтобы отвлечься мыслями на всё что только можно отвлечься. Здесь нет ясного высокого голубого неба в котором можно придумывать названия облакам, редко ви-сящим над огромным миром в фильмах про огромный мир. Вот то – крокодил, а это – овечка. Нет же. Здесь всё небо в снеговых облаках, весь горизонт дороги и весь отражённый мир в боковых и в зеркале заднего вида покрыт облаками. Сам ты овечка. Здесь нет фантазий о форме облаков. Нет даже и облаков, это как стена, как дно, в нём не различаются отдельные скопления белого и пушистого. Это свинцовое дно. Мы накрыты крышкой. Здесь, над моей дорогой бесконечная свинцовая крыша и я еду всё быстрее чтобы она меня не придавила. Легковушка ещё проскочит, мне повезёт, а вот грузовик может чиркнуть по низкому небу, зацепиться и съехать в овраг. Вот они и лежат то слева, то справа. Грузовики, фуры, не пролезают в узость между дорогой и свинцовым небом. Серым до некрасивости подъездных ступеней. Дорога, как на зло, ещё и тянет вверх, на холм, средне-русскую взлохмаченность засеянной земли. Всё сужается и сужается место для проезда авто под облачным небом. Но никто не прибил к облаку знак «Осторожно, тут всего 3 метра». Всё от того, что ваш добрый бог сгрёб пухлыми ручками облака со всего света и удерживает их над родиной. Чудеса звёзд и солнца глядят на остальные участки суши, а над на-

ми плотный занавес. Богу помогают церкви размножающиеся простой покупкой кирпича с собственным именем. Купил кирпич, посадил в раствор, пошло дело. И вот уже через месяц крест-крюк цепляет свинцовую подушку и помогает богу удерживать небесную крышку над страной снизу. Ветер, конечно, гоняет туда-сюда выдыхаемый людьми тёплый воздух и нет-нет, да и порвёт перину свинца. Хотя она многослойна, небо со всего неба, и чаще рвётся не оно, а падает какая-нибудь церковь-якорь. И всё же, разрывы случаются, особенно там, где храмов нет. Тогда на русский мир падает сквозь линейный разрыв снежной подмышки огненно-яркий белый свет настоящего солнца. Выжигает снег на земле ямой могилы и вытягивает из неё мать-и-мачеху. Вы замечали, что мать-и-мачеха не растёт рядом с храмами? Туда свет не падает, слишком близко небесный крепёж. Вот и сейчас, впереди меня, на вершине холма безымянной деревни, за которую сложили головы по десять тысяч человек три раза за пятьсот лет по велению ледяных королей, небо порвалось. Узкая щель уронила свет вниз. Тут же понимаешь, что свет, который ты считал светом, это не тот свет. Тот свет, твой, привычный оттенок светлой разновидности свинца, неяркий и не ослепляет. Упавший свет, этот, настоящий тот свет, пробрался к тебе при прорыве низкого неба. Еду и наблюдаю, что будет делать тот, кто держит небо. Быстро залатать именованным кирпичом снизу не получится. Скоро растут храмы, но не 140 км/час. Помощь нужна сверху, с той стороны свин-

цеваты. И помощь серой крышке приходит. Я поравнялся с продолговатой прорехой, что протянулась параллельно шоссе и увидел его. Не бога, конечно, добрые его деяния. За первыми лучами, что уже возвращали было к жизни траву, повалил снег. Ровно через эту дыру, медленный и торжественный как балерины-анорексички. Расширяясь к земле и съедая лучи, снег падал на затенённую равнину по обе стороны дороги. Дворники включились, фары перешли из режима «серый быт» в режим «сумерки человечества». Всё снова стало ровно некрасивым, титаново-волчьим, не отражающим фары, как пластик панели приборов, как глаза трудовика, как тупик в гаражном кооперативе. Снег не замёл весь мир, но выпал в достаточном объёме чтобы навсегда стереть память о порвавшемся небе. Залатал сначала солнечное пятно на плоскости, выжег долгие лучи в воздухе, и, наконец, сомкнул порванный лоскут на самом верху. Дорога стала спускаться и локальный снегопад остался в зеркале заднего вида. Вперёд вела всё такая же почти прямая, почти пустая, почти осмысленная дорога с следующему холму, где свинец может поцарапать выставленную из окна руку. Снег апреля – это неожиданный ремонт мироздания. Такая затычка, позволяющая удержать созревшее под плотной крышкой, не дать соединиться с солнцем. Такая аварийная заплатка на одеяле, под которым покоится не надеющийся на тепло человек в непротопленной избе. В начале лежать там было теплее, чем просто на земляном полу. Но позже, тогда тело остыло, что

под одеялом, что на полу, температура одинаковая. Заплата состоялась. Снег завалил солнечный зайчик и примёрз к непаханой равнине. Наша под низким небом поднебесная – подсвинцовая – продолжила бессмертное существование.

Майский. Майский снег ввиду устоявшейся филологической традиции называется по-другому отчего возникает путаница с вопросом существует ли майский снег. Мы не должны смешивать слова и факты. Без кварка сомнений снег в мае идёт. Однако ограниченные своими органами зрения обыватели различают его лишь на висках мужского населения, когда тот примерзает к волосам. На женщинах, деревьях, машинах, снег в мае игнорируют, делая редкое исключение для французского маникюра и седых детей, отравившихся мультикультурным фонданом. Майский снег по снего-русски называют сединой. Но спросите любого здравомыслящего субъекта, способного нести в мир жизнь, то есть производить детей, любую женщину, седина ли это? Ответ будет однозначным. Это снег. Проблемами терминологии можно пренебречь. Молодые мужчины активно имитируют снег на своих висках, подражая старым, вернее древним. Последние носили снег как знак победы над злом, как награду и признание, послужной список. В далёкие времена, так учат моего ребёнка, мужчины победили и постарели, одряхлели. Но не настолько сильно чтобы перестать говорить о том, что они победили. Снег в моде, тем более, что не так легко его

нанести на себя. В этом году запустили новые туры за сединой. Мужчины организованными группами выезжают на юг, где помимо традиционного мужского отдыха неспешно покрываются сединой. Бонусом к продолжительному туру идёт седина коленок, а за полный пакет сейчас придумали дополнять снежный набор свинцовым бисером. Тема новая и уверяют, что вызывает раздражение, зуд, гноетечение, свищи, секвестрацию костей, деформацию конечностей, необходимость носить калоприёмник и вставной глаз. Но когда мужчины боялись вставного глаза? С таким подарком все женщины твои. Предвижу, что скоро поседевших майским снегом будет больше. Те же, кто не может себе позволить поехать на южный отдых, будут искусственно замазывать снег на виски, выкалывать глаза и имплантировать свинец. Каждый захочет выглядеть героем. Появится мануал как различить настоящий снег от ненастоящего. Людей будут проверять на наличие серого металла при входе в дома, в общем, родится целая индустрия, новый бизнес. Как отличить модного от немодного? Можно разумеется вешать на себя серый метал сверху, на грудь, например, чтобы издалека женщины видели кто лучший добытчик снега. Не знаю только как тогда различать старых мужчин с серыми свинцовыми отметками на груди и новых. Хотя зачем их различать? Новые же сами хотели стать седыми по-майски, рассказывать про победы. Спутается это всё чувствую, перестанут отличать старые победы от майского снежного перфоманса. Будут думать, что

сейчас такие же снежные победы как раньше. Люди не так умны. А всего-то виной тому майский снег. Природное явление. Несколько снежинок и я принёс домой. Может отвалились на меня от настоящего мужчины в метро, а может зачлось мне напряжённое думание о судьбах членов родины.

Июньский. Снег летит из-под ног. Шаркаешь и поднимаешь облачко снежинок до колен. Поднимаешь глаза от земли и оказывается, облачко мало-помалу окутывает тебя до груди. Поднимаешь подбородок выше, а облачко то над головой. На всех деревьях снег. Растёт из ничего и сразу падает вниз? Неуверенность, неопределённость, копится и выражается кашлем сомнения. Облачко не с низу поднялось, от шарканья твоего. Это же не марш на плацу, что ты можешь поднять? Облачко спустилось сверху. И даже нет, не так. Облако снега висит, оно всегда здесь, это ты только что заметил, что куда бы ни шёл, бредёшь сквозь снег. Тот стоит в воздухе или воздух в снеге стоит, делает всю твою реальность. Стоишь – снег замирает сережками берёз и бликами стёкол. Идёшь – снег струится тополиной перхотью и пылью бордюров. Бежишь – снег бьёт по глазам мухами и лотерейными билетиками, дышит в твой нос баблгамным вейпом. И вечный неразрешённый с детства вопрос. Когда снега на тебя попадает больше, когда идёшь или когда бежишь? Снег везде. Оттого и видно так плохо. Близорукость тотальная. У всех снег перед глазами даже в помещениях, даже с закры-

тыми глазами. Вращаются в прозрачной жиже глазного яблока снежинки и льдинки, что попали в тебя. Зашоривают, заслоняют, не прорваться сквозь, не заглянуть за тюль чтобы увидеть реальность без стружки морозной воды. Какая она там? Как всё на самом деле? Как живут там, где выдох слова не несёт за собой морозного облачка. Где люди не оборачиваются на говорящего, где он может спокойно говорить, что хочет, не пачкая витиеватыми узорами льда окружающих и плоскости помещения. А если не только отрывистыми фразами. А если петь? На морозе слова замерзают, падают на носок ботинка и протыкают его, оседают на вороте пальто, рвут ус, выбивают пломбы. Не говори, не выкашливай воздух, не делай нового куска льда. Ты скажешь и уйдёшь, скажем в Детский мир покупать пистолет, а слово твоё останется полуторакилограммовой ледыхой на остановке. Будет пнуто пассажиром, рассмотрено кондуктором, сфотографировано дворником, съедено и выплевано бездомной собакой. Станет слово твоё перевернуто и припечатано обувью. Иначе понятие и показано кверху ногами на ледяном экране сидящим за шторами снежинок в жиже глаз. Не говори, не выдыхай, не поднимай шаркающей пехотной походкой веер снежинок. Остайся у холодильника дома. Смотри на стабильный снег, стационарный, не шуми, не спотыкайся, не поранься и других не рань своими словесами-ледыхами. Закрой рот – источник холода.

Июльский. Отпуск. Сижу в шаре с маслом, в котором на красивый домик падают серебряные квадратики блеска. Домик не мой, просто можно рядом порадоваться за чью-то иллюминацию и ставеньки с дырами-звёздами. В старых моделях были дыры-сердечки. Но это отменили. Чернуха какая-то, выставлять органы наружу. Пятиконечные звезды, вот это не оскорбляет глаза. Ставеньки помогают поклониться чужому мастерству делать деньги из денег. В масле тяжело дышать. Сквозь изогнутое стекло всё видится шарообразным и несмешным. Толстые дети вчетвером несут антивандальный электросамокат чтобы сбросить его с бетонной лестницы. А чудится, что это самокат катит их со ступеней в травмпункт за справкой от армии. Новорождённые мамы смахивают снег с козырьков колясок. А видится, что словно они причёсывают своими наращёнными зелёными ногтями чёлки безногих мутантов-горбунов на досках с колёсами, прихорашивают их перед рейсом к метро за милостыней. Масло в банке всё искажает. Гид предупреждал. Сидеть в отпускном масле скучно, но нехолодно. Моржовый отдых. Толстый слой защищает от мороза, но пошевелиться тяжело и незачем. Попрыскал ещё на кожу чтобы не потемнеть от блёсток. Вернуться к труду небледным будет неловко. Отличаться от цвета снега и бумаги, привлечь внимание невыгодно. Могут и на отбеливание послать. Снегоскрабинг. Шарокатинг. Бабоснегокриэйтинг. Гирляндомастеринг. Сосулелизинг. От тренингов этих побелеешь не захо-

чешь. Прыскнул масло на кожу, растёр, защитился. Смотрю сквозь выпуклое стекло на плоский снежный мир. Все снаружи, а я внутренний молодец. Для миниотпуска, такой возьму позже, не обязательно целиком залезать в масло шара с домом, достаточно голову засунуть в шлем с прозрачным забралом. Сквозь тёплое масло смотреть на снег. Вот и космонавт на далёком куске льда в бескрайнем космосе. Грустном и нецветном, не то что наш кусок снега под играющим искоркой свинценобом. Люблю середину года. Зима здесь в радость. Отпуск проходит как по маслу. Год разгоняется, месяцы летят порошей по ламинату. Всё короче время. Не успеваешь помечтать. Как в детстве в вырытом в полный рост сургобном окопе мечтали стать взрослыми. Не понимали, что у взрослых всего только отпуск, а у детей каждый день Новый год. И не боялись же тогда прокладывать в снегу траншеи, строить убежища, кидаться каменными снежками. Сейчас позови меня рыть ров в снегу, я взвою, отморожусь и завалит меня там движением глыб от кашля простуженной земли. Сумасшедшими были детьми, а выросли благоразумными взрослыми. Умеем кутаться, знаем толк в сугреве, не тратим сил на снеговую лопату. Завтра всё заметёт опять. Плюнь, выбрось мусор, выкинь кота – никто не осудит. Всё вокруг скроется снегом. Всё вокруг прощается, замечается и никогда не узнает ни друг, ни враг, что ты делал в прошлом январе.

Июмьский. Нет чёрного и белого ни в чём, кроме снега. Остальной белый это очень светлый серый. А остальной чёрный, по-настоящему дожидаться не можем. То заснём, смыкая розово-серые веки, то успеет запачкать чёрный серой пылью, то вовсе, попадёт на него слюна или кровь. Так и получается, что существуем со светло серым и тёмно-серым. Пригляды-ваешься с годами. Не находишь белого и чёрного. Разве белый хлеб бел? Разве на доньшке, на стеклышке, на горлышке под каким углом не крути, белой стеклянной бутылки есть что-то белое? Разве бело белое вино? Молоко? Отнюдь. Хлеб сер, бутылка сера. А берёза? Вот она единственная, снег её дери! Бела ли берёза? Черна ли берёза? Вызов сомневающегося человеку. Не от того ли берёза символ Подсвинцовой, что черна она и бела одинаково неоднозначно. Развивается берёза и даёт приплод в условиях черноты и белизны, как стойкий непереводящийся здешний народ. Не от того ли берёза лидирует по теплоотдаче в печи, что она черна и бела? Что она там впитала из-под снега, что позволяет ей греть серых людей? Не чудо ли главное, не пружина ли основная наша, эта берёза. Как сошлось всё в ней, как устроилось, как заметно дерево пристыдила нибэнимэкающих страдальцев. Я и чёрная, и белая, без еды расту, без остатка грею, лежу расчленённая этажами у каждого дома, ковыляю по Подсвинцовой, посылаю пеплом аллергенов заблудившегося врага. И не так важно, снежный ли ожог на чёрном дереве или обугливание от электронно-лучевой трубки потока новостей на белом

стволе, так или иначе, двухцветная идеальнй символ. Будь как она. Расти. Контрастируй. Не будь серым. Сгори на благо благочестивых в вечную снежную пору. Возродись. Повтори свой путь. Берёза наш ин-янь, наша Голгофа. Буратино должен быть из берёзы, ибо её кровь толкает наивного белого в лапы чёрных зверей. Из берёзы должны быть школьные розги, из бересты грамоты за отличную учёбу. Двулика необходима нам заполнить пустоту серой веры, дать рамки крайних оттенков, азь и омега, сахар и соль, водка и мёд. Из берёзы больничные нужно делать чтобы стыдно было здоровым мужикам болеть не за страну, а за микробов. Из берёзы космические корабли надо ковать чтобы на Марсе сады цвели. Бросил думать. Вышел на мороз подышать. Глубоко дышу носом чтобы выморозить странности, сны некрасивые и вопросы без ответов. Нет ангины у нас, нет скарлатины. Чудо мороза, благо снега, всё побежит белый. Дышу носом, как ещё в школе учили. Тогда кривлялся, не ходил дышать, отсиживался в библиотеке. Читал. Ха. Сейчас дышу, носовые ходы тренирую чтобы всякую небелёсость учуять. Всякое неродное сравнить с ледяной коркой в носу и дать ответ. Наше ли? Не время сопли в жидком агрегатном состоянии носить. Входи морозный июмьский в меня. Вдох. Выдох.

Августовский. В сугробах снежной страны медленно кристаллизуется какой-то новый смысл. Слой за слоем, тяжесть верха гнетёт низ, раскрашивает слои спрессованного снега

ста сорока миллионами оттенков серого. Снег лежит и созревает до какой-то новой материи, нового состояния воды, нового сезона. Отчего не дождь наше всё? Отчего снег? Мне кажется оттого, что снег не может пройти мимо. Снег – не косой дождь, от которого спрячешься под козырьком избы, потрохами зонта, бровью кепки. Снег настигнет и доберётся до тебя. Он не стечёт в чугунные дыры земли, не испарится с плоских непроницаемых асфальтов. Не пройдёт стороной. Снег ляжет и будет давить. Будет трудно дышать, будут ожоги, отрезанные пути к «К и Б», снег никуда не денется. От подоконника до подошвы. Столица зимы покроев тебя снегом чтобы твои движения стали медленнее, волос на тебе рос толще, ноги вязли в дороге, а зор слеп от блеска огней, отражённых бесконечной белой степью. От дождя ты только промокнешь да умрёшь от пневмонии через три недели. От снега же ты спрячешь своё тепло, свои мысли, мнения и амплитудные движения в глубину тела, в узкую дверь кухни, прижмёшься к чайнику, впадёшь в анабиоз. Продолжая генерировать работу, перестанешь генерировать думание. Не столица дождя, нет, столица зимы, сугробов. Зима бесконечна здесь как сама родина. Обе не могут закончиться. А может нет никакой родины? Может вышла она, уехала, а вместо неё и есть зима. Подменили? Замели след. Заморозили глаза. Нет, чушь колючая. Вот же низкий свинец, вот дядьки с пятиконечными снежинками на лбу, дети с автоматами, коньки на Овечкине, наушник айфона вмёрзший в остано-

ку, всё наше, всё на месте. Где-то тут под снегом и родина, никуда не делась. Копают ямы, ищут родину в каждом городке. Много копают. То ли глаза не видят, летучими льдинками жижга глазная наполнилась, то ли копают неглубоко. Но она там, снизу.

Сентябрьский. Снег тяжёлый как рука отца на плече в первом классе, как рука хулигана в пятом, как ранец полный учебников истории, как... как тоска. Как бессмысленность выпускных экзаменов в ВУЗе, как рваный пакет с мусором, как тоска по тому чего не было. Сентябрьский упал и гнёт. Проповедью пророка сгибает меня в эмбрион, заставляет сидеть, прижав руки вдоль туловища, сохранять остатки тепла. Долгая снежная проповедь сентября. Нет шансов пережить такой гнёт. Как тогда за партой, сейчас просто всегда и каждый день. С каждым словом я люблю снег больше, как любят боль ожидающие смертной казни. Боль есть только у живого, терпи. А пророк монотонит. Снег не кончается. У снега нет такой категории как конец и начало. Ты просто родился зимой и она с тобой до окончания твоего мира. А что будет после тебе всё равно. Нет тебя, нет и мира. Снег – это как дышать. Без него нет. Снег – высшая мера. Ты приговорён к снегу. Только твоё пытлиное избыточное образование, полученное между спальным и вещевым мешками, позволяет тебе видеть слабые оттенки. Ах, вот снег мягкий, ой, он слоистый и ломкий. Январь, мартень, апрельябрь... Лож-

ное чувство этапности, дифференциация, позволяющая тебе дольше прижимать руки к бокам. Это как тот стоматолог, что говорит, посчитаем до трёх и вырывает зуб. Какая разница до двух или до трёх. Ты явился сюда потерять зубы. Ты родился зимой в столице снега. Голос пророка ледяной рукой сминает в ком. Стоишь на коленях первым шаром, основанием снеговика. Башкой будешь не ты, башке дадут угольки и морковку, а ты слишком много знаешь, оттого неси на горбе остальные шары в белое будущее. По сломанным позвоночникам снежинок на седых коленях тащи собственный сломанный позвоночник с навершием-шаром. И не царапай свинцовыми побрякушками красивый лёд. И у этой дороги нет конца, как нет конца у зимы. Нет конца у желания заменить людей снеговиками. Нет конца у словаря холодных слов. Нет в календаре небелых страниц. Нет ничего теплее снега. Я обожаю сентябрьский снег.

Октябрьский. Снегометр передал пургу. Я собрался у гардероба и выбрал новые пуховики из какого-то кометного материала невозможно защищающего от лютости зимы. Поверх повязал шарф. Не фанатский сувенир, а всамделишный шарф из шерсти яка или хомяка, что там делают китайцы в Озоне и кечуа в Андах, шарф, что спасёт от холода муравейник, не то что одну худую шею. Я нахлобучил шапки, воткнулся в рукавицы, сделал шаг ногой в шерстяном носке внутри зимних сапог с прокладкой из лавы. Я готов к пур-

ге. Я вышел внаружу в обещанный снегометром сплошной опасный пад. Мимо пролетел сухой золотой лист с подбоем из хлорного зелёного. Мимо пробежала раздетая, почти обнажённая собака карманной породы. Зимний сапог наступил в глубокую лужу, как в фильме про сурка, которому снилось одно и то же. Пот тихонечко пополз под свитером, под футболкой, под варежками. Скорый шаг к укрытию от снега для ожидания автобуса ускорил и потоотделение. Стало душно под шарфом и мокро под шапкой. Но я не обращал внимания. Снегометр предупреждал о таком. При выходе на достаточно большую дистанцию от снегометра, может показаться, что снега вовсе нет. Об этом говорят дикторы, об этом проводят уроки по понедельникам в школе, это прописная истина. Снегометр прав. Может всего на час-второй показаться, что жар происходит от несоответствия утепления человека и экзогенного тепла. Снегометр предупреждал, что искажение вероятно. Жар на самом деле это мобилизация кожных желёз перед лицом яростного холода, это следствие тренировки организма закалённого вечной зимой. Тепла снаружи нет. Люди не источают тепло. Зелень кустов лишь реакция мёртвого хлорофилла с кристаллической водой снега. Птицы кричат от холода, собаки трясутся от вьюги, дети примерзают к соплям. Снегометр обо всём предупреждал. На снегометре нет отметки «тепло» или «жара», только отметки – слабый, средний, сильный снег и предупреждение воздержаться от выхода на улицу. Иного стрелка не показыва-

ет. Зима бесконечна и это бесспорно, если достаточно долго наблюдать за снегометром. У большинства людей нет столько времени и мы слушаем толкователей снегометра, читаем саммари по утрам и бегло сверяем прогноз силы снегопада в вечерней рассылке. У большинства людей нет времени читать. Смотрим просто на изображение иероглифа-снежинки в смартфоне. Согреешь голову напитком спросонья, по пути на работу согреешь ноги ходьбой, на работе согреешь руки о возмущение, домой приходишь всё равно холодным. Снегометр этот, в печь, да нет печи у меня. Прислонился лбом к стеклу. Холодок так приятен надбровным дугам. Сосед пилит сосульку лобзиком отчего приятная вибрация передаётся мне прямо в прислонённый лоб. Сосед бросается кусками сосульки в людей, он убийца льда, расчленитель. Зачем кидаться бессмертным в тех, кто завтра остановится по пути на работу поправить вэйп и замёрзнет насовсем. Перестань пилить, святотатец. Просто прислонись как я лбом, это так приятно. Холод близко к мозгу. Я холодный человек.

Ноябрьский. МРТ не работал потому что из-за снегопада не выполнена поставка импортных комплектующих, запись на следующий месяц. КТ такого не видит, сказал мне врач. УЗИ тоже не видит, сказал мне другой врач. ПЭТ не работает, слишком большие помехи от снегопада в последнее время. Подозрение, что произошло у меня осложнение так и повисло в мыслях, в ледяном воздухе, напряжение неза-

вершённости диагностики сохранялось. Летающие снежинки перед глазами, послушно поворачивающие вместе с отведением взгляда в сторону есть у всех. По ним аппарат, что определяет личность по радужке в дополнительной графе сканера пишет «russian». Более плотная снежная пелена у многих взрослых. Немного мешает умываться перед зеркалом. По утру некоторое время никак не можешь прочистить глаза. Всё кажется, ещё немного, ещё потереть, ещё чуть, пока не вспоминаешь, что пелена постоянная, её не вытереть из глаз. К обеду привыкаешь. Говорят, случается снежная слепота, снежная холодная немота, снежная нерешительность, страх бесснежья. Много диагнозов белоснежная бумага терпит. Но диагнозы это все несерьёзные, так, лёгкий наст. Теперь это и не называют патологией. Образ жизни. То, что есть у каждого не требует коррекции. Это как намотать на себя снега и временно стать тяжёлым. Просто шагай увереннее. Отряхнись и всё. Пробраться сквозь все эти маскировочные сетки, лианы и шторы снега несложно. Пара дыхательных упражнений, лечь спать пораньше, выпить ледянки. Дело привычки. Но у меня произошло осложнение. Не отряхнуться. Может всё-таки весна? Такое лечится. Диагностики ждать пришлось две недели. Осложнённых пациентов где могли пропускали без очереди. МРТ заменили на китайский, такой же белый и жужжащий, какая разница из какой стороны приехал. МРТ не показала весну. Всё-таки осложнение. Вдохнул как-то снежинку, зацепилась в лобной па-

зухе, фиксировалась, пенетрировала, инвагинировала, проросла. «Это не весна, Вы понимаете?», – врач смотрел поверх очков на меня при повторном визите. «Весну можно удалить хирургическим путём, мозг сильно не пострадает. Но это осложнение, его нельзя оперировать». Я всё понимал, но молчал. Потом подумал, что может я молчу из-за осложнения, может, это симптом прогресса заболевания и решил начать говорить. Да, это не весна. Хоть и весна убивает или делает калеккой после операции. Мозг, все дела, понимаю, ясно, кристально, мне понятно, да, конечно, да. Лобная пазуха. Здоровая она у меня на картинке. Справа. Осложнение. «Вы, наверное, хотите знать какое лечение будет?». Я хотел. Вернее, я уже прочитал всё в снегонете. Будет криолуч. Он замедляет развитие осложнения, прорастает медленнее. Пациенты на форумах шутят, что это просто как в марте голову высунуть из окна. «У вас будут криолучи». Врач продолжал говорить какие-то очевидности. Будто он никогда не был на форумах для пациентов. А я всё молчал, потому что подумал, что много говорить это тоже симптом прогресса осложнения. Ещё откажут в криолуче. Может кто-то седой вклинится передо мной. У меня-то льгот нет за седину. «Что ж, не прощаемся, Вам позвонят и напомнят как подготовиться к криолучу, до свидания». Я как-то долго копался в гардеробе, меня обогнало несколько человек получивших пальто позже меня. Рука правая долго не лезла в рукав. Лобная пазуха как будто стала тяжелее и клонила меня вправо и вперёд

при ходьбе. И рука эта правая висела ниже левой, это я отметил в отражении витрины. И варежка правая плохо сжималась в кулак и плохо разжималась чтобы греть руку. И рука эта правая не очень мёрзла. Слышит ли правое ухо? Рядом грохнулась об асфальт сосуля с крыши. Сосед? Осколки не задела. Меня снежинка простая задела, это ж надо, до самой кости. Слышит ухо, слышит. А где-то внутри прорастает шестигранными щупальцами осложнение.

Декабрьский. Сегодня снег очень красивый. Такой настоящий снег как в детских книжках про зайчиков, бегущих наперегонки за снеговиком, которые бегут за автомобилем Деда Мороза, который везёт мешок. Сказки. Дед Мороз не ездит в автомобиле, он вообще не выходит из ледяной крепости. Его кроме как по снегометру никто не видит. Мешки правда развозят. Поплачет народ, поохает, потом кладут на балкон. Лампадка, узоры на стекле. Гигиенично. Многие делают на лоджиях молельни. Изолируют, утепляют, выставляют наружу крест. Одно время была мода делать греющий провод внутри креста, бороться с сосульками, но сосулек от него было только больше. Много народа под балконами побивало упавшими под тяжестью льда крестами. Мешки вот не падали. По праздникам все мешки централизованно собирают и замуровывают в лёд на площади, красиво и блестит. Никто уже не копает, не роет. Наверно откопали родину под снегом и стесняются в неё мешки класть. Складыва-

ют теперь в ледяные дома. Называется Вечный лёд. Жалко только школьниц, мёрзнущих в почётном карауле. Сегодня очень красивый снег. Не нужно ни пальцем пошевелить. Бесплатная бескорыстная красота. Штор в палате нет, ничто не препятствует обзору. Снег медленно летит вниз покорноватными комьями, перьями бабушкиных подушек, хлопковыми цветами невест в замедленной съёмке. Мне не видно, что покрывает снег внизу. Скрыл ли он сомнения в чистоте земли? Всё новые слои белизны доказывают и доказывают, что земля чиста. Для чего они это делают? Для чего целый год идёт снег скрывая что-то. Некрасоту земли? Следы того, что наши следы ведут не туда? Что мы ходим по кругу. Или. Что мы просто стоим на месте? Снег, как стирашка школьника пытается исправить какое-то несовершенство, неуклюжесть, небелость того что внизу. А ведь может так случиться, что немилость эта совсем крошечная. Непрекрасность малюсенькая и не стоит годами покрывать искрящейся простыней малую невзрачность нашей земли. Всего-то какое-то недобро небелое. А может там под снегом скрыта страшная правда? Например, что земля наша не наша, а отобраана у соседей. Или что под нами не ухабистая неплодородица, отчего покупаем всё за границей, а плодозём чернопородный, и мы просто ленивые человечки, не умеющие извлечь лёгкие плоды. Снег падает и сегодня закрывая крышкой тайны. Снег шёл всю мою жизнь. Сегодня очень красивый снег. Он уже попадает на меня сквозь потолок и взбивает моё тонкое больнич-

ное одеяло натуральной ватой. Подбивает подушку лебедем, полотенце превращает в махровый халат, тапки в султанские сандалии, утку в скованный льдом «Террор» Франклина, костыли превращает в ковьялющие вдоль стены берёзы. Голова становится шаром с блёстками, перед глазами – выпуклыми окнами – ходят люди, заглядывающие внутрь. Светят мне фонариком и говорят друг с другом как немые. Из звуков только шум падающего снега. Такой, знаете, негромкий шум. Внутри моей головы масло приятно переливается от стенки к стенке, разнося серые блёстки, и они тоже так похожи на снег. Что-то не приезжает каталка на криолуч. Что-то не несут ледяной суп. Снега напало столько, что я не понимаю открыты ли мои веки. Нет разницы, когда моргаю. В любом положении век я вижу только белый снег.